

ЧЕЛОВЕК БЕССМЕРТНЫЙ: РЕЛИГИОЗНАЯ ФИКЦИЯ ИЛИ БУДУЩЕЕ НАУКИ?

Долгое время проблема бессмертия человека не выходила за рамки религиозного дискурса. Сегодня же оппозиция безграничности и ограниченности присутствует и в головах «художников» (и в телах текстов), и в умах деятелей науки. Интеграция научной базы и философского ее осмысления выводит нас на вопрос даже не столько о возможности существования человека бессмертного, сколько о человечности этого бессмертного существа.

Ключевые слова: бессмертие; вечность; «смертническая» парадигма; ограниченность; трансгуманизм; иммортология.

Бессмертие – понятие, встроенное не только в религиозные системы, но и в научные гипотезы, концепции и теории. Религия, фундированная верой в сосуществование посюстороннего и потустороннего миров, также основывается на признании превосходства трансцендентного, высшей ценности запредельного и абсолютного. Человек, обладающий возможностью слияния с недоступным чувственности началом, по природе своей является дуальным существом. Как дуализм природы человека питает веру в достижение бессмертия, так и вера в достижение бессмертия человеком питает дуализм. Человек – это обладатель бессмертной души и тленного тела. Человек и вечен (понятие бессмертия становится излишним) и ограничен (*res extensa*).

Традиционной, укрепившейся в сознании многих людей является точка зрения о невозможности достижения бессмертия человеком, находящимся в мире без бога. Человек сводится в этом случае к *res extensa*, к «машине», а природное есть не что иное, как изменяемое, протяженное, изменяющееся, непостоянное.

Человек в мире без бога, кажется, не связан никакими надличностными нормами, «подлинно сущими» началами, нигде не укоренен и не тянется к эфиру. Однако многочисленные ученые, отвергающие веру в трансцендентное начало, не придающие значения метафизике, все же пытаются принимать меры, способствующие увеличению продолжительности жизни, стремятся создать лекарство от старости, «эликсир» жизни, панацею от всех болезней.

Основополагающими проблемами, непосредственно связанными с понятием бессмертия, являются, во-первых, проблема поиска смысла жизни и смысложизненных ориентиров в мире, где уничтожается бинарная оппозиция потустороннего-посюстороннего; во-вторых, выявление метаморфоз самоидентификации человека, готовящегося обрести долголетие; в-третьих, мысленное моделирование решения проблемы о смысле жизни в условиях обретенного практического бессмертия; в-четвертых, поиск вероятного различия в отношении к смысложизненным вопросам человека, не достигшего долголетия (или не знающего о предстоящем долголетии), и человека, обретающего практическое бессмертие.

Языковыми структурами репрезентируются устойчивые представления о человеке как смертном существе. Языковая ткань пронизана «нитьями», тянущимися к смерти, и далеко не каждый человек в состоянии трезво оценить то, что «по умолчанию», с самого рождения, включается в дискурсивные

«смертнические» практики («смерть найдет причину»; «бойся Бога: смерть у порога»; «дума за горами, а смерть за плечами»; «богатство человека от смерти не избавит» и т.д.).

Более того, существуют веские основания полагать смерть и смертность традиционными, устойчивыми темами различных произведений искусств (выше это уже было доказано примерами из копилки народной мудрости). Смерть становится тем, что как будто подлечит персонификации. Смерть мыслится антропоморфной, «идолы рода» пронзают сознание, пропитанное фатализмом и смирением перед неизбежностью конца [3]. «Смертническая» парадигма становится своего рода *Urdoxa*. Дискурсы литературных произведений пропитаны мыслями о неизбежности смерти (что же остается, как ни смирение?). Корневище «смертнической» парадигмы уходит в древность. Трагедия становится прочно стоящим на «ногах» жанром, смерть «просачивается» и в комедию. Позднее смерть – «гостья» романов любого рода. Вероятно, вообще не существует автора, не упомянувшего о смерти в каком-либо собственном произведении. *Urdoxa* представляет собой Код всех Кодов, смыслообразующее Прамнение [5. С. 105–106], но в сердцевине этого Прамнения есть червоточина. Мнение, призванное «успокоить» человека, претендующее на роль основы в познании мира, несет в себе зародыш глубочайшего кризиса. Если род, сообщество, человечество еще могут претендовать на вечность, славу, воплощение тех или иных идей, то индивид обречен оставаться «винтиком», игрушкой в руках Смерти. Смерть выступает референтом многочисленных знаков и знаковых систем. Небесполезным представляется исследование и вскрытие «смертнического» дискурса. Насмешка над смертью тоже каждый раз актуализирует ужасающий человека феномен. Единственно возможным выходом из положения является практическая борьба со смертью, которую ведет наука в лице некоторых ученых. Их идеи нередко вызывают насмешки, ученые вынуждены сталкиваться с *doxa* и отвечать вновь и вновь на утомляющие и отвлекающие от дел вопросы и возражения («бессмертие является прелюдией к вечной скуке»; «практическое бессмертие способствует возникновению диктаторских режимов, глубокому перевороту в политике социума»; «вечная жизнь есть по существу продление дряхлости» и т.д.).

Классическая литература принимает смерть как данность, зачастую воспекает так называемую героическую смерть (вспомним хотя бы многочисленные

стихи самураев). Дискурс, пытающийся «посмеяться» над смертью, «обмануть» ее, посредством введения в ткань повествования информации о новых технологиях, препятствующих старению, объявляется «фантастическим». Литература такого рода часто признается «низкопробной». Ярлык «фантастика» как будто снимает все вопросы, нивелирует серьезнейшие мировоззренческие проблемы (зачем всерьез размышлять о «фантастике»?).

Борьба со «смертнической» парадигмой должна вестись и посредством образования альтернативных дискурсов. Интерпретации сущности бессмертия и последствий его достижения, существующие в фантастической литературе, аудиовизуальных произведениях, вне сомнения, не являются достаточными. Хотя не следует недооценивать и значение литературно-художественных творений. Именно они с неодолимой силой воздействуют на эмоционально-чувственный мир человека, выступают источником неосознаваемой привычки читать, видеть и слышать о бессмертии. Собственно говоря, следует согласиться с известным российским футурологом в том, что фантастическая литература «борется» с извечной футурофобией. Футурофобия распространяется, в числе прочего, и на «грозящие» возникнуть новейшие технологии [10]. В беспредельности и перманентном становлении фантастической литературы сталкиваются и сплетаются линии ризомы: одни из корешков тянутся от *Urdoxa*, Прамнения (смерть естественна, а бессмертие – пустопорожние мечты), другие – от мнений прогрессивно настроенных художников, изображающих долгую и счастливую жизнь, образуя иную парадигму. Линии ризомы сплетаются, но пока верх одерживают «смертнические отростки».

История философской мысли фактически выступает историей сравнительно незначительных модификаций смертнической парадигмы. Существуют основания для смены понятия парадигмы на понятие эпистемы (в том смысле, какой вложил в это понятие М. Фуко). Представления о смерти интегрированы едва ли не во все философские учения, осознанием смертности человека пронизаны планы имманенции. Концепты, творимые философами, если и не прямо указывают на смертность человека, то во всяком случае интенсивная точка «пробега» в плане имманенции «факт» смертности, факт, въевшийся в дискурсы. Что бы ни доказывали мыслители, будь то бытие Бога, эманацию сверхъестественного начала, примат собственных морально-этических установок, смерть незримо присутствует в этих доказательствах. Смертность, иными словами, то, с чем молчаливо соглашались. Смертность человека нередко и то, с чем спорят. Однако «споры» ведутся на территории религии.

Философское течение экзистенциализма, актуализировавшее постановку вопроса о смысле жизни и ценностных ориентирах, в лице отдельных представителей тоже признавало факт смертности человека. Религиозный экзистенциализм истинной задачей жизни каждого видел поиск человеком самого себя в Боге и обретение целостности в подлинном мире, свободном от разрушительных последствий объективации. «Я» и «Ты» всегда смертны, но смертны как тела, как

«физис», однако «психе» является «сгустком» Бога, которым наделено каждое Его творение, каждый человек. В мире вещей, «объектов», каждый есть тело, каждый выступает объектом («Он») для любого другого, однако достижение подлинной самости – это вовсе не изоляция от другого, а объединение с другим в Боге. Религиозный экзистенциализм решает вопрос о смысле жизни в пользу Смысла, а не смыслов. Первый обретается не в мире вещей [2].

Атеистический экзистенциализм явил миру идеи, представляющие собой целый калейдоскоп воззрений. Подлинное бытие, экзистирование, отягощенность свободой, толкание Сизифом камня – все это далеко не пустые слова, а сложнейшие элементы миропонимания и мировидения [6]. В этом миропонимании скрывалась глубочайшая кризисность. Ее лаконично выразил Э. Фромм: сложнейшая экзистенциальная проблема человека заключалась в поиске гармонии между безграничными возможностями каждого человека и ограниченностью человеческой жизни [8].

Попытки устранить факт смертности сводились к совету Эпикура и его сторонников: не следует пускать смерть в собственную жизнь, иными словами, не следует думать о смерти. В противном случае смерть уже гостит на пороге жизни, уже закидывает щупальца в бытие. Человек есть, но смерти еще нет. Однако же когда смерть наступает, человека уже нет – таков вывод позднеантичного мыслителя [9]. Данная мысль Эпикура напоминает наркотик, призванный скорее временно успокоить человека, нежели устранить существующую проблему. Наступает период, когда вновь умирает кто-либо из близких, и на горизонте опять возникают слова латинской поговорки – «*tempo mori*».

Постструктурализм как целокупность идей плеяды выдающихся мыслителей как будто перестал обращать внимание на «метафизическую» проблематику, замалчивая отношение человека и смерти. Идеи Ж. Делеза и Ф. Гваттари о ризоме едва ли соотносятся с идеями практического бессмертия [4. С. 14–15]. Тем более поиск смысла жизни сопряжен с пробеганием координат, многие из которых выступают лишь вариациями доксы. Смысл жизни – это рекомбинация уже имеющихся в Вавилонской библиотеке ответов на тождественный вопрос [1].

Философским системам, таким образом, имманентно представление о смертности человека. Некоторые из них принимают смерть как должное (стоицизм), некоторые, напротив, констатируют кризисность бытия человека, возникающую в связи с осознанием факта смертности.

Альтернативными смертнической парадигме являются трансгуманистические идеи. Известно то, что в рядах трансгуманистов отсутствует должная сплоченность. Это выражено, во-первых, в различных ожиданиях и прогнозах футурологов (сторонников трансгуманизма), во-вторых, во введении в дискурсивные практики принципиально различных концептов («трансчеловек» у Н. Бострома [11], «неочеловек» у Д. Ицкова [7] и т.д.). Вероятно, дело даже не в использовании трансгуманистами различных понятий и терминов, а в том, что за этой поверхностностью скрывается ориентация мыслителей на абсолютную интегра-

цию человека и Hi-Tech. Интеграция человека и высоких технологий таит в себе не столько опасность контроля со стороны «заинтересованных» структур (введение чипов в область головного мозга), сколько растворение антропного начала, диффузию человеческого и машинного с последующей аннексией человеческого искусственным интеллектом. Собственно говоря, возникновение Е-человека, экзистирующего в виртуальном пространстве, означает абсолютную детерриториализацию в мире человека и ретерриториализацию в мире машины, растворение в электронном Другом. Трансгуманизм, фундированный, в числе прочего, идеей возникновения постчеловека и Е-человека, совершает редукцию, низводя природу homo sapiens до одного лишь сознания, и отрицает важность и целесообразность существования тела (по крайней мере, по версии автора «FAQ по трансгуманизму» Н. Бострома [11]).

Альтернативный дискурс – дискурс трансгуманизма – освещает другой полюс, иное видение будущего человека (существа?). От смертнической эпистемы трансгуманисты предлагают перейти к жизни в Сети, к жизни, абсолютно обусловленной механическим Другим. Смена территории, детерриториализация человека как существа природного и ретерриториализация в пространстве, зависимость от функционирования машины («помощь машины») – вот чаяния трансгуманизма, мыслимый предел мечтаний.

Необходимости консенсуса, а де-факто создания принципиально иной системы воззрений, требует эпоха, требует сама жизнь, которую наполняет противоборство религиозных ортодоксов и радикальных трансгуманистов. Альтернативой смертнической парадигме и мечтам о рождении Е-человека является иммортология (научный иммортализм).

Таким образом, назрела необходимость развития и укрепления иной мировоззренческой парадигмы, альтернативной «смертническим» идеям и радикальным трансгуманистическим идеям. Не только создание теоретического пласта иммортологии, но реальное ознакомление людей с ее постулатами – одна из приоритетных задач. Следует ли говорить о том, что смысложизненные вопросы, связанные с возможностью обретения практического бессмертия, продолжают мушкетироваться и подогреваться не только разнородную публику, но даже ученых-специалистов. Проблема обретения смысла жизни является корневой, ее игнорирование чревато превращением человека в «искусственный интеллект», преобразующий знаки («формальные символы»), но не видящий за ними референта. Вне сомнения, бросить силы на поиск смыслообразующих ориентиров необходимо не только смертным и мирящимся с этим «фактом», но и тем, кто пошел по пути интеграции с Hi-Tech.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борхес Х.Л. Вавилонская библиотека. URL: <http://www.lib.ru/BORHES/kniga.txt> (дата обращения: 22.09.2014).
2. Бубер М. Я и Ты. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/BUBER/ihunddu2.txt> (дата обращения: 11.02.2014).
3. Бэкон Ф. Великое восстановление наук. Новый Органон. URL: <http://www.lib.ru/FILOSOF/BEKON/nauka2.txt> (дата обращения: 22.09.2014).
4. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория ; Москва : Астрель, 2010. 895 с.
5. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб. : Алетейя, 1998. 288 с.
6. Камю А. Миф о Сизифе : философский трактат. URL: <http://philosophy.ru/library/camus/01/4.html>
7. Ицков Д. Заповеди жизни нечеловека. URL: <http://www.2045.ru/news/31383.html> (дата обращения: 22.09.2014).
8. Фромм Э. Этюды о любви. М. : АСТ ; Астрель ; Полиграфиздат, 2011. 223 с.
9. Эпикур. Письмо к Менекею. URL: http://nibirukov.narod.ru/nb_russian/nbr_teaching/nbr_teach_library/nbr_library_classics/nbr_classics_epicurus_letter_to_menoceus.htm (дата обращения: 22.09.2014).
10. Бестужев-Лада И.В. Социальное прогнозирование. Курс лекций. Ч. 1. URL: <http://alt-future.narod.ru/Future/socprog1.htm> (дата обращения: 22.09.2014).
11. Bostrom N. Structure of the global catastrophe: Risks of human extinction in the XXI century. URL: <http://www.scribd.com/doc/6250354> (дата обращения: 22.09.2014).

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 18 ноября 2014 г.

IMMORTAL MAN: RELIGIOUS FICTION OR FUTURE OF SCIENCE?

Tomsk State University Journal, 2015, 391, 76–79. DOI 10.17223/15617793/391/12

Dydyrov Artur A. South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: zenonstoik@mail.ru

Keywords: immortality; eternity; "death" paradigm; limitations; transhumanism; immortology.

Immortality is a concept which is embedded not only in the religious systems, but also in the scientific hypotheses, concepts and theories. Religion, well-founded by a belief in the coexistence of this world and other worlds, is also based on the recognition of the superiority of the transcendent, the highest value of the absolute and the transcendent. A person with the ability to merge with the beginning inaccessible to sensuality is a dual being by its nature. The dualism of human nature nourishes faith in the achievement of immortality and the belief in the achievement of immortality by a human feeds dualism. The human is the holder of an immortal soul and a perishable body. The human is eternal (the concept of immortality becomes redundant) and confined (*res extensa*). Traditional for many people, is the point of view of the impossibility of achieving immortality by a person in the world without God. However, many scientists who reject belief in a transcendent principle are still trying to take measures to facilitate the increase in life expectancy, seeking to create a cure for old age, an "elixir" of life, a panacea for all diseases. Fundamental problems directly related to the concept of immortality are the following: firstly, the problem of finding the meaning of life and the meaning of life landmarks in the world where the binary opposition of otherworldly / worldly is destroyed; secondly, the identification of the metamorphosis of self-identification of a human preparing to gain longevity; thirdly, mental simulation to solve the problem of the meaning of life in a practical newfound immortality; fourthly, search for probable differences in relation to the meaning of life of a person who has not attained longevity (or does not know about the upcoming longevity) and a human who finds practical immortality. The notion of hu-

man mortality is immanent to philosophical systems. Some of them accept death as a tribute, others, on the contrary, state the crisis of the being of a human arising in connection with the realization of the fact of death. Alternative discourse is the discourse of transhumanism which illuminates the other pole, a different vision of the future of a human (being?). Transhumanists offer to go from death episteme to life in the Web, to life absolutely caused by a mechanical Other. Change of the territory of a human as a natural being and reterritorialization in the space, the dependence on the operation of the machine ("machine aid"): these are the aspirations of transhumanism, a conceivable ultimate dream. Thus, there is a need in developing and strengthening of a different ideological paradigm, alternative to the ideas of "death" and radical transhumanist ideas. Not only the creation of a theory of immortology but also people's real knowledge of its precepts are a priority.

REFERENCES

1. Borges H.L. *Vavilonskaya biblioteka* [Library of Babel]. Available from: <http://www.lib.ru/BORHES/kniga.txt>. (Accessed: 22nd September 2014).
2. Buber M. *Ya i Ty* [I and Thou]. Available from: <http://lib.ru/FILOSOF/BUBER/ihunddu2.txt>. (Accessed: 11th February 2014).
3. Bacon F. *Velikoe vosstanovlenie nauk. Novyy Organon* [Great restoration of Sciences. New Organon]. Available from: <http://www.lib.ru/FILOSOF/BEKON/nauka2.txt>. (Accessed: 22nd September 2014).
4. Deleuze J., Guattari F. *Kapitalizm i shizofreniya* [Capitalism and Schizophrenia]. Ekaterinburg: U-Faktoriya Publ.; Moscow: Astrel' Publ., 2010. 895 p.
5. Deleuze J., Guattari F. *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 1998. 288 p.
6. Camus A. *Mif o Sizife: filosofskiy traktat* [The Myth of Sisyphus: a philosophical treatise]. Available from: <http://philosophy.ru/library/camus/01/4.html>.
7. Itskov D. *Zapovedi zhizni neocheloveka* [Life Commandments of neo-man]. Available from: <http://www.2045.ru/news/31383.html>. (Accessed: 22nd September 2014).
8. Fromm E. *Etyudy o lyubvi* [Studies on love]. Moscow: AST; Astrel'; Poligrafizdat Publ., 2011. 223 p.
9. Epicurus. *Pis'mo k Menekeyu* [Letter to Menoeceus]. Available from: http://nibirukov.narod.ru/nb_russian/nbr_teaching/nbr_teach_library/nbr_library_classics/nbr_classics_epicu-rus_letter_to_menoceus.htm. (Accessed: 22nd September 2014).
10. Bestuzhev-Lada I.V. *Sotsial'noe prognozirovanie. Kurs lektsiy* [Social forecasting. Lectures]. Pt. 1. Available from: <http://alt-future.narod.ru/Future/socprog1.htm>. (Accessed: 22nd September 2014).
11. Bostrom N. *Structure of the global catastrophe: Risks of human extinction in the XXI century*. Available from: <http://www.scribd.com/doc/6250354/>. (Accessed: 22nd September 2014).

Received: 18 November 2014